

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2023-64-2-19-42

И.П. Кулакова

**ПРОФЕССОР МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
И.А. ГЕЙМ И ЕГО ЖИЗНЕННЫЙ МИР
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОПИСИ КВАРТИРЫ
В РЕКТОРСКОМ ДОМЕ 1821 г.)**

I.P. Kulakova

**PROFESSOR OF THE MOSCOW UNIVERSITY
I.A. HEIM (BERNHARD ANDREAS VON HEIM)
AND HIS LIFE-WORLD (ACCORDING TO THE MATERIALS
OF THE INVENTORY OF RECTOR'S HOUSE IN 1821)**

Аннотация. В основе исследования лежит документ 1821 г., который представляет собой подробное описание помещений квартиры только что ушедшего из жизни профессора Московского университета И.А. Гейма. С 1781 г. продвигаясь по службе в университете (при этом сохраняя связи с Германией), Гейм поднялся до профессора, а затем и до ректора Московского университета. Изучая его домашний быт, можно получить картину жизни «русского немца» — представителя академической культуры (с ее академической же повседневностью). В квартире Ректорского дома близ Моховой в соответствии с описью выделены 4 жилых комнаты, кухня и конюшня (располагавшаяся на нижнем этаже). Покомнатное описание мебели, одежды, посуды и других предметов обихода, сведения о составе домашней библиотеки воплощают антропологические характеристики профессорской субкультуры. Вещь рассматривается автором статьи как содержащийся в ней в свернутом виде «клубок» культурных практик, а структура жилища и его наполнение — как воплощение образа жизни профессора. Перечень многочисленных предметов кухонной утвари, наличие кареты, дрожек и нескольких наборов упряжи на конюшне свидетельствуют

Кулакова Ирина Павловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России до начала XIX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kulakova Irina Pavlovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Russian History before the Beginning of the Nineteenth Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

kulakova.letter@gmail.com

ORCID: 0009-0006-7611-3513

о полной автономности существования, а наличие большого числа стульев и обеденных приборов позволяет говорить об степени «публичности» пространства. Набор одежды (повседневной и парадной), ордена, наличие заманных писем и свободных денег свидетельствуют об относительно высоком материальном и символическом статусе Гейма, демонстрируют достаток, стремление к бытовому удобству «частного человека». Но сдержанная стилистика оформления квартиры, множество столов, книг, измерительных приборов и канцелярских принадлежностей (атрибутов рутинного академические письма) — всё это говорит о приоритете интеллектуальных занятий профессора на дому. Рассмотренный на историко-культурном фоне материал описи позволяет расширить представления о малоизученной в целом субкультуре университетских преподавателей как специфического слоя «среднего рода людей» — российской интеллектуальной элиты конца XVIII — начала XIX в.

Ключевые слова: Московский университет, профессор университета, А.Л. Шлецер, Х.Г. Гейне, Моховая улица, дом Волконских, Ректорский дом, субкультура, повседневность.

Abstract. The research is based on the analysis of the 1821 detailed description of the premises of the apartment of the Moscow University professor Heim, who had just passed away. From 1781 Heim, who maintained ties with Germany, rose to professor and then to rector of the Moscow University. His home environment provides material for reconstruction of the life of a “Russian German”, a representative of academic culture (with its academic everyday life). According to the inventory, the rector’s apartment near Mokhovaya Street contains four living rooms, a kitchen and a stable (on the lower floor). The room-by-room description of furniture, clothing, utensils and other household items, and information on the composition of the home library embody the anthropological characteristics of the professor’s subculture. The author of the article views a home item as a tangle of cultural practices, and the structure of the home and its contents as an embodiment of the professor’s way of life. The list of numerous kitchen utensils, a carriage, a droshky and several sets of harness in the stable indicate the complete autonomy of existence, and a large number of chairs and dining utensils allows us to speak about a certain degree of the publicity of the space. A set of clothes (casual and ceremonial), orders, letters of loan and idle money indicate a relatively high material and social status of Heim, demonstrate prosperity, the desire for domestic convenience of a “private man”. But the restrained style of apartment decoration, lots of desks, books, measuring instruments and stationery (attributes of routine academic writing) speak of the priority of the professor’s intellectual pursuits at home. The material of the inventory, considered against historical and cultural background, allows us to expand our views on understudied subculture of university professors as a specific layer of “middle-class people”, Russian intellectual elite of the late 18th and the early 19th centuries.

Keywords: Moscow University, university professor, A.L. Schlözer, Ch.G. Heyne, Mokhovaya Street, Volkonsky House, Rector’s house, subculture, everyday life.

В материалах фонда Канцелярии Московского университета в ЦГИАМ (ф. 418, 1764–1927) в составе группы материалов текущего делопроизводства (документы о приеме, увольнении и перемещении преподавателей университета) сохранилась опись «имения» профессора словесности, истории и географии Московского университета И.А. Гейма 1821 г., в свое время отложившаяся в составе архива университета.

Заголовок «Об исключении из списков умершего профессора Гейма» говорит о том, что опись составлена сразу после смерти профессора. Это подробное описание помещений квартиры Гейма, мебели, одежды и предметов обихода. В приложениях содержатся переписи кухонной утвари и конюшни, а также книг, журналов и ландкарт из домашнего собрания.

Описание осуществлялось комиссией в составе двух профессоров, секретаря и эзекутора правления, а также адъюнкта Тита Каменецкого, ближайшего ученика Гейма, адъюнкта географии и статистики.

Подобные материалы ценны в силу того, что они позволяют реконструировать субкультуру профессоров XVIII — начала XIX в. как части академического сообщества и российского социума в целом.

Профессорское «сословие» не раз выступало как объект исследований с разных позиций, в том числе и с точки зрения его антропологических характеристик¹. А.М. Феофанов рассмотрел, в частности, вопрос о владении профессорами имуществом и (неко-

¹ См., например: *Файнштейн М.Ш.* И.А. Гейм — ученый, издатель и педагог // Книга в России XVII — начала XIX в.: проблемы создания и распространения. Л., 1989. С. 56–60; *Петров Ф.А.* Немцы профессора в Московском университете. М., 1996; *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000; *Он же.* Геттингенская душа Московского университета. (Из истории научных взаимосвязей Москвы и Геттингена в начале XIX столетия) // Университет для России. Т. 2. Московский университет в александровскую эпоху. М., 2001; *Кулакова И.П.* Г.Ф. Миллер — агент европейского культурного влияния в России // Г.Ф. Миллер и русская культура. СПб., 2007; *Волошина Н.Ю.* Протестантская и католическая традиции в российском восприятии // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. 2000. № 1; *Кунц Е.В.* Иностранцы профессора в штате Московского университета в первой трети XIX века. Дисс... канд. ист. наук. М., 2002; *Он же.* Реформа М.Н. Муравьева в Московском университете в контексте культурной жизни Европы и России начала XIX века // Преподаватель XXI век. 2011. Т. 2. Вып. 4. С. 275–283. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/reforma-m-n-muravieva-v-moskovskom-universitete-v-kontekste-kulturnoy-zhizni-evropy-i-rossii-nachala-xix-veka> (дата обращения 15.01.2023); *Костина Т.В.* Качество жизни университетского профессора первой половины XIX в. (по материалам Казанского университета) // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв. Европейские традиции и российский контекст. Труды междунар. науч. конф. 23–25 июня 2009 г. СПб., 2009; и др.

торых) дворовыми людьми. Он пришел к выводу, что в целом облик профессуры как группы определялся иностранными учеными и выходцами из духовенства. И еще: за первые 70 лет существования Московского университета не завершились успехом попытка создать профессиональную общность, чья субкультура оказалась бы привлекательной не только для разночинцев, но и для широкого круга дворянства². С одной стороны, с этим нельзя не согласиться, но с другой — следует осознать, что речь идет об особой субкультуре, части академической культуры, которая сама по себе обладала большой спецификой.

Глобальные причины, уходящие корнями в цивилизационную специфику России, предопределяли отсутствие весомого социального статуса у ученого и преподавателя: ведь ученость (как и занятия поэзией) не приобрели сколько-нибудь значимого места на бюрократической шкале XVIII в.³ (Хотя постепенный рост этого статуса через включение в структуры «чиновности» повысился к александровскому правлению.)

Культура как репродуктивная подсистема общества, генерализованная функция которой — поддержание образца, работает как особый механизм, рассчитанный на структурирование жизненного опыта путем стереотипизации культурных действий и установок⁴. В этой системе все компоненты реальности (включая сферу повседневного опыта) в силу отнесения к ценности становятся значимыми. Таким образом, жилищные условия, внешний облик и сам образ жизни могут выступать как показатель специфики академической культуры, ее ценностных установок. Структура и убранство дома, считал Ф. Бродель, могут свидетельствовать о широком экономическом и культурном значении установок Просвещения⁵. Н. Элиас, называя процесс цивилизационным, указывал на перестройку структуры личности и системы ее отношений с другими, где среди

---

² *Феофанов А.М.* Профессура Московского университета второй половины XVIII — первой четверти XIX в. // Вестник ПСТГУ. Серия II: История Русской Православной церкви. 2013. Вып. 1(50). С. 7–28. — URL: <http://pstgu.ru/download/1363175062.7-28.pdf> (дата обращения 15.01.2023).

³ См., например: *Живов В.* Первые русские литературные биографии как социальное явление: Тредиаковский, Ломносов, Сумароков // НЛО. 2000. № 25; *Кулакова И.П.* Университетское пространство: Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006.

⁴ Ср. парсоновские символические механизмы мотивации и веберовское ценностно ориентированное действие: *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1997; *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990. С. 374, 373–375.

⁵ *Бродель Ф.* Излишнее и обычное: жилище, одежда и мода // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Гл. 2. — URL: <http://sbiblio.com/biblio/archive/brodel/02.aspx> (дата обращения 15.01.2023).

внешних симптомов — изменение бытовых привычек (происходившее в высших слоях общества и затем распространявшиеся на более широкие круги)⁶.

Особенно интересна в этом контексте фигура «русского немца»: немалочисленные немецкие профессора, приглашенные в Россию в академические учреждения и учебные заведения, выступали как носители академической культуры, привнося не только новые методы преподавания, создание курсов и трудов, новые идеи и философские веяния. По мнению Е.В. Кунца, большинство немцев, преподававших в университете перед 1812 г., были подлинными людьми науки⁷. Выходцы из разных немецких земель истово служили и науке в целом, и стране пребывания, где они могли самореализоваться.

Знакомство с практиками, связанными с научной сферой и просветительством в России, началось с созданием Академии наук. В эти процессы были вовлечены представители как интеллектуальной элиты Западной Европы, так и разных сословий России. «Главная цель, ради которой тратили силы организаторы контактов Гейм, Шлёцер, Мейнерс, Муравьев, была достигнута — произошла первая подлинная встреча русского высшего образования с европейской наукой»⁸. Ее предшественники привнесли лучшие традиции западной научной мысли, образцы практик и идеи на русскую почву.

Понять научные воззрения иностранных профессоров помогают их научные труды, а также учебные руководства, написанные всеми иностранными профессорами. Наиболее плодотворными авторами были И.А. Гейм, Г.И. Фишер, Ф.Ф. Рейсс, Х.А. Шлёцер. Особое значение мы придаем трудам, позволяющим определить философские воззрения иностранных профессоров, ибо философско-теоретические их представления в эпоху еще недостаточной расчлененности наук выполняли интегрирующую роль, и нередко теоретические курсы предшествовали изложению основных курсов наук.

М.К. Любавский отметил достаточно высокий уровень приглашенных профессоров как ученых, явившийся результатом целенаправленного отбора со стороны попечителя: «В составе преподавателей Московского университета и после введения устава 1804 года, как и раньше, преобладали немцы и семинаристы-поповичи.

---

⁶ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1, 2. М.; СПб., 2001.

⁷ Кунц Е.В. Реформа... — URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/reforma-m-n-muravieva-v-moskovskom-universitete-v-kontekste-kulturnoy-zhizni-evropy-i-rossii-nachala-xix-veka> (дата обращения 15.01.2023).

⁸ Андреев А.Ю. «Геттингенская душа» Московского университета...

Но немцы подобрались уже гораздо удачнее, чем раньше, и представляли из себя в общем довольно крупные научные силы. Конечно, все эти люди прибыли в Россию не по каким-либо идеальным культуртрегерским мотивам, а просто в чаянии внешних благ от щедрого русского правительства и общества. Большинство немцев, преподававших в нашем университете перед 1812 годом, были действительно людьми науки, занимавшиеся своим делом по внутреннему призванию»⁹.

Иван Андреевич Гейм (нем. von Heim Bernhard Andreas, 1759–1821) — ученый-эрудит, экономист, профессор словесности, истории и географии, библиотекарь, ректор Московского университета, автор работ по экономике, географии, лингвистике, родился в семье придворного врача герцога Брауншвейгского. Проходил курсы истории, политических наук, философии и иностранных языков в университетах Гельмштеда и Гёттингена. По приглашению А. А. Лопухина в 1779 г. переехал в Россию и первое время служил в качестве гувернера при сыне последнего. С 1781 г. стал лектором немецкого языка и классических древностей в Московском университете, суббиблиотекарем, в 1784–1786 гг. инспектором Благородного пансиона. В 1784 г. получил звание экстраординарного, с 1786 г. — ординарного профессора; читал в университете лекции по истории и статистике, а также преподавал историю, коммерческую географию и немецкий язык в Демидовском коммерческом училище. Стал широко известен как автор учебника русского языка для немцев (“Russische Sprachlehre für Deutsche”, 1789) и российско-французско-немецкого словаря (1799–1802). Многократно переизданные, они были настольными книгами иностранцев, отправлявшихся в Россию. Являясь одним из первых в России ученых-статистиков, Гейм подготовил к изданию в Геттингене в 1789 г. «Подробное топографическое и статистическое описание Российского государства» (объемом свыше 1000 с.), заинтересовавшее императрицу Екатерину II. Основное внимание в преподавании он уделял курсам статистики, географии и «коммерческих наук», охватывавшим не только Россию, но и главные государства Европы и Турцию. Он издал ряд учебных пособий, из которых важнейшее — «Опыт начертания Статистики главнейших Государств по нынешнему их состоянию. Ч. 1» (М., 1821), которое следовало методике статистических описаний, разработанной в трудах А.Л. Шлецера. С 1804 г. и до своей смерти Гейм возглавлял открывшуюся в соответствии с новым уставом кафедру истории, географии и статистики Российской империи.

---

⁹ Любавский М.К. Московский университет в 1812 г. М., 1913. С. 31.

В 1805 г. он был избран первым деканом новооткрытого словесного факультета (до 1808 г.), с июня 1808 г. по февраль 1819 г. являлся ректором Московского университета. Избрание Гейма ректором подкреплялось его близостью к попечителю университета (затем министру народного просвещения) графу А.К. Разумовскому, в имени которого Гейм работал над каталогом его личной библиотеки. В 1809 г. по представлению Разумовского выборные полномочия ректора были продлены для Гейма с одного года до трех лет, что послужило началом введения трехлетнего ректорского срока в университетах России.

Иван Андреевич Гейм.
Гравюра А. Флерова с оригинала И.И. Жерена

Облик Гейма-ученого хорошо передают слова С.П. Шевырева, писавшего, что тот «заклучал в себе энциклопедию самых разнообразных познаний и истощал все остатки жизни своей, до самого ее конца, на непрерывное приобретение новых сведений»¹⁰. Как педагог, Гейм прославился своим педантизмом: по мнению некоторых выпускников, он стремился к простому запоминанию фактов, без увязывания их в систему. Лекции Гейма, куда он включал обширный материал из описаний природы, населения, торговли, хозяйства, были суховаты, и его слушатели с улыбкой вспоминали: «... старик Гейм со своею статистикой всякий раз лишь отворит дверь, начинает на скором бегу к кафедре бормотать под нос себе лекцию, так что начало ускользало от нас и не могло быть записано на тетрадях наших» (В.И. Лыкошин). Г.А. Вулисанова прослеживает эволюцию образа этого почтенного профессора, которому отдают должное в современной историографии¹¹.

Читая курс статистики, Гейм был первопроходцем, хотя по мнению А.И. Соловьева, «в трудах Гейма — “Начертание всеобщего землеописания по новейшему разделению государств и земель”, “Опыт начертания статистики главнейших государств по нынешнему состоянию” и других — преобладала традиционная “номенклатурная” география XVIII века и схоластические дефиниции без всяких объяснений по существу»¹². Заметим, однако, что «школа политических арифметиков», которая только начала формироваться во второй половине XVIII в., и в начале XIX была новшеством, при этом курс статистики в Московском университете играл важную интегрирующую роль. Первым среди немецких профессоров Гейм начал читать лекции на беглом, хотя не вполне правильном русском языке.

Преподавая в России, Гейм не терял связей с ученой средой Германии, переписывался с Геттингенскими профессорами Х. Гейне и А.Л. Шлёцером, способствовал образовательным поездкам туда русских студентов. Фигура Гейма долгое время олицетворяла живую связь между двумя высшими учебными заведениями, и многие последующие контакты Москвы и Геттингена завязываются через его посредничество. С января 1811 по сентябрь 1812 г. Гейм редактиро-

---

¹⁰ *Шевырев С.П.* История Московского университета, написанная к столетнему юбилею проф. Степаном Шевыревым. 1755–1855. М., 1855. С. 453.

¹¹ *Вулисанова Г.А.* И.А. Гейм — ректор и библиотекарь Московского университета // Герард Фридрих Миллер и русская культура. СПб., 2007. С. 470.

¹² *Соловьёв А.И.* География в Московском университете в дореволюционное время // География в Московском университете за 200 лет. М., 1955. С. 33.

вал “Moskowische Zeitung” — одну из первых газет, издававшихся немецкой общиной в Москве.

В 1812 г. на плечи Гейма легла вся тяжесть эвакуации университета из Москвы. Организовав отправку наиболее ценных коллекций и оборудования, Гейм затем с огромным трудом достал лошадей для вывоза профессоров и студентов, которые чудом смогли покинуть Москву за несколько часов до вступления французов. После пребывания университета в Нижнем Новгороде ректор Гейм сразу вслед за отходом французов отправляется в Москву и в конце декабря 1812 г. возглавляет Временную комиссию по управлению делами университета. Узнав о спасении от огня своей личной библиотеки, он тут же дарит ее университету, заложив тем самым основу его новому книжному собранию.

Во многом именно усилия Гейма привели к тому, что уже в августе 1813 г. университетские занятия возобновились. Он уделял большое внимание воссозданию новых университетских музеев и библиотеки, комплектованию университетского архива. Как библиотекарь университета он продолжал до конца жизни заведование библиотекой, положив начало ее современной каталожной системе. Уйдя по состоянию здоровья с поста ректора в 1819 г., Гейм не оставлял чтение лекций до самых последних дней жизни.

И.А. Гейм был похоронен на немецком Введенском кладбище¹³, но, к сожалению, надгробие и могила его не сохранились. На надгробном памятнике Гейму, воздвигнутом на средства его учеников, была выбита надпись “Dem Wohlthater und Lehrer von dankbaren Schuler” (Благодетелю и учителю от благодарных учеников). Среди учеников Гейма, помимо любимого ученика Тихона Каменецкого (ставшего не только продолжателем его дел, но и близким человеком: известно, что именно ему были отданы письма Гейма после смерти последнего¹⁴), — многие выдающиеся деятели, такие, как декабрист Н.И. Тургенев, пославший учителю экземпляр своего «Опыта теории налогов», М.П. Погодин, окончивший словесное отделение Московского университета в 1821 г. (где на него, по собственным признаниям, наибольшее влияние оказали профессора И.А. Гейм и А.Ф. Мерзляков) и многие другие.

Не забудем, что помимо академической подготовки люди типа Гейма исподволь, через преподавание и общение с другими преподавателями, осуществляли и трансфер установок академической

---

¹³ [Некролог] // Сын Отечества. 1821. Ч. 73, отд.3. С. 228–231; Отечественные записки. 1821. Ч. 8. С. 266–269.

¹⁴ ОР РГБ. Ф. 406 (архив Гейма в составе фонда Т.А. Каменецкого).

культуры, повседневных практик, норм поведения, вливавшихся в общее русло университетского этиоса. Постепенное оформление особой субкультуры российского интеллектуала (при всей специфике различных «ипостасей» этого интеллектуала-профессионала) шло в особой среде, включавшей как иностранных ученых, так и «просвещенных россиян» разного происхождения: детей дворян, купечества и разночинцев, получивших полноценное университетское образование и за границей, и в российских учебных заведениях нового типа

Шло постепенное формирование науки в формах Нового времени, разворачивалась дисциплинаризация знания. Трансфер модели академической культуры (и ее составной части — университетской культуры) требовал овладения целой системой практик и техник получения и воспроизводства знания (и преподавания), обеспечивавших эрудированность и объективность: экстенсивное чтение, навыки рутинного академического письма и «сочинительства» (со следованием логике изложения, экспериментальной доказательности, принципам критики источников); владение практиками наблюдения и систематизации; собирание и демонстрация коллекций, чтение и черчение карт, каталогизация и т.д. Обеспечить это в домашних условиях мог именно особый образ жизни, способствовавший работе ученого на дому, подготовке публикаций и оформлению лекционного материала. Однако не меньшее значение имела и система коммуникаций с коллегами и студентами.

В этой связи мы и попытаемся реконструировать черты быта профессора Гейма, вписав зафиксированные в описи его жилища реалии в контекст социальных отношений и повседневных культурных практик конца XVIII — начала XIX в., через сухость делопроизводственной документации выявить человеческую субъективность, опираясь на типическое, представить историю частной жизни и неповторимость личности в общекультурном контексте.

В университетах существовала естественная практика поселения сотрудников поблизости от места службы. Первоначальный проект об учреждении Московского университета рекомендовал «всем профессорам, учителям... университетским служителям иметь жительство свое в близости от университетского дому и гимназии, дабы [в] прохаживании туда и назад напрасно время не теряли». Но удобное жилье для преподавателей еще долго оставалось проблемой. «Ученики и учителя, по всему городу рассеянные, имеют жилище наемное», — констатировал И.И. Мелиссино в 1757 г. Постепенно появляются случаи домовладения профессоров: так, профессор

Ф.-Г. Дильтей еще в 1759 г. (первым из профессоров) приобрел каменный дом на Козьем болоте (ныне Патриаршие пруды).

Д. Дидро в своем «Плане университета», написанном для Екатерины II в 1775 г., предлагал: «Каждый факультет должен иметь свой отдельный корпус», где должны располагаться «квартиры для заведующего, эконома, префекта и капеллана; отдельные квартиры для профессоров и комнаты для репетиторов»¹⁵. В собственных небольших домах жили профессора К.Г. Лангер (у Красных ворот, в Огородниках) и А.А. Барсов с племянником — магистром университета (за Тверскими воротами). Деревянный дом и двухэтажный каменный флигель, небольшое владение в Милютинском переулке, в конце XVIII — начале XIX в. принадлежало профессору анатомии и хирургии, доктору медицины Ф. Керестури. Во флигеле недалеко от университетского пансиона жил профессор Н.Н. Сандунов, один из организаторов университетского театра, собиравший дома любителей драматургии и литературы. В александровское время чиновность профессуры стала постепенно повышаться, росло и благосостояние. Многие профессора уже могли владеть недвижимостью (причем некоторым профессорам принадлежали и дворовые люди, от нескольких человек до несколько сот душ). Так, по сведениям А.М. Феофанова, у Л.А. Цветаева числился дом в Москве «за умершим родителем»; по наследству достался деревянный дом В.М. Котельницкому; М.Т. Каченовский купил «дом с обширным садом и прудом», к которому были приписаны семь душ; у профессора Ф.Ф. Рейсса было целых два деревянных дома в Москве; у М.Я. Мудрова был собственный московский деревянный дом, а также каменным домом владела его жена. Деревянные дома были у А.А. Альфонского, А.В. Болдырева, Д.Е. Василевского, Ф.И. Чумакова¹⁶. У некоторых московских профессоров на дому имелся пансион.

Перебираясь на Моховую, университет приобретал участки старых боярских усадеб. В 1782 г. при расширении университетского квартала у княгини А.М. Волконской был выкуплен двор с каменными и деревянными постройками (на Никитской улице, между Долгоруковским и Леонтьевским переулками). Во второй половине 1780-х — начале 1790-х гг. директор университета П.И. Фонвизин активно занимался обустройством зданий: к 1802 г. дом Волконских был перестроен М.Ф. Казаковым, он стал двухэтажным, сохраняя

---

¹⁵ Дидро Д. План университета или школы публичного преподавания всех наук для Российского правительства // Дидро Д. Собр. соч. Т. X. М., 1947. С. 370.

¹⁶ Феофанов А.М. Указ. соч. С. 22.

Ректорский дом Московского университета.
Фото начала XX века

при этом «подвалы» (известно, что они были засыпаны в XIX в., когда оказались затоплены подземными водами)¹⁷.

По замыслу нового попечителя университета М.Н. Муравьева (с 1804 г.), в нем предполагалось разместить музей естественной истории и библиотеку, но затем здание было отдано под квартиры. Квартира директора (позднее ректора) располагалась сначала в главном университетском доме, отстроенном Казаковым к 1793 г., в правом крыле в двусветной ротонде (в нем же угловые комнаты в крыльях занимали некоторые профессора)¹⁸.

С 1805 г. ректор П.И. Страхов пожелал поселиться в бывшем доме Волконских (покинув прежние директорские покои Главного корпуса). Его примеру следовали и последующие ректоры (И.А. Гейм, И.А. Двигубский, А.В. Болдырев, Д.М. Перевошиков), поэтому дом вскоре получил название Ректорского дома (домика). В 1810-х гг. профессор И.А. Двигубский превратил террасу ректорского дома в площадку для своих опытов и астрономических наблюдений, здесь же проводили опыты для своих диссертаций его ученики. Это университетское здание — единственное, полностью уцелевшее в пожаре 1812 г. Так было вплоть до 1872 г., когда ректор университета С.М. Соловьев уступил квартиру А.Г. Столетову (а тот создал

---

¹⁷ См.: План роста территории университета в 1756–1835 гг. // *Белявский М.Т., Сорокин В.В.* «Наш первый, наш Московский, наш российский...». Памятные места старого здания Московского университета. М., 1970. С. 78.

¹⁸ См. надписи на плане здания: «Профессор Панкевич занимает...»; «Профессор Чеботарев помещен...» (*Кулакова И.П.* Университетское пространство... С. 144–145).

библиотеку, кабинеты и физические лаборатории, залы для работы студентов, присоединив еще и квартиру В.В. Марковникова): дом стал «колыбелью школы русской физики»¹⁹.

* * *

Переходя к описи квартиры Гейма, скажем, что она следует обычной структуре описей XIX в. — по отдельным помещениям. Как само членение пространства, так и расположение и характер вещей представляют собой род «источника» для реконструкции бытовой повседневности профессора. Ведь «повседневность представляет собой особую сферу опыта, характеризующуюся особой формой восприятия и осмысления мира, возникающую на основе трудовой деятельности, обладающую рядом характеристик, среди которых уверенность в объективности и самоочевидности мира и социальных взаимодействий. ... Повседневная жизнь, быт человека, повседневные заботы, ежедневная работа различные стороны повседневности, ... самостоятельную отрасль изучения прошлого и настоящего»²⁰.

Еще В.О. Ключевский, адресуя в одной из своих работ советы молодым художникам, советовал им наблюдать (чтобы через изображаемую обстановку «передать характер») «...обстановку, какой окружает себя человек дома и в какой он выходит на улицу, вид, в каком он появляется в обществе ... Когда вы входите в кабинет к человеку со средствами, у которого все просто и опрятно, по стенам ни одной картинке, на столе ни одной фотографии, никакой блестящей безделки и даже лампа какая-то матовая, будьте уверены, что перед вами человек замкнутый, но доброжелательный, ... человек с подвижным и сильным воображением, не нуждающийся во внешних возбуждениях... Современный человек, свободный и одинокий, замкнутый в себе и предоставленный самому, себе, любит окружать себя дома всеми доступными ему житейскими удобствами, украшать, освещать и согревать свое гнездо»²¹.

---

¹⁹ В советское время здание стало жилым домом, а в 1930-е гг. было выведено из подчинения МГУ (балансодержатель — Геологоразведочный институт). Проект реставрации был выполнен еще в начале 1990-х гг. реставраторами «Моспроекта», но под предлогом аварийности здание было снесено летом 2000 г. Его место занял новодел (2004). Подробнее см.: *Рахматуллин Р.* Дом Веневитинова отстояли // Независимая газета. 12.02.2000.

²⁰ *Каменский А.Б.* Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006.

²¹ *Ключевский В.О.* О взгляде художника на обстановку и убор изображаемого им лица // Ключевский В.О. Соч. в восьми томах. Т. VIII. Исследования, рецензии, речи (1890—1905). М., 1959.

В квартире Гейма в соответствии с описью выделены следующие помещения: 4 жилых комнаты (спальня, круглая зала, боковая комната, задняя комната), кухня (обычно в университетских постройках помещаемая на нижнем этаже) и конюшня (также, конечно же, в нижнем этаже).

Что касается некоторых комнат, мы можем предположительно судить об их размерах: применительно к некоторым указано количество штор на окнах, что соответствует количеству окон. Так, в спальне имеются две шторы, в круглой зале — три (это самая большая комната: здесь находится большое количество мебели, в том числе 6 шкафов для книг), в боковой комнате — одна штора.

Ориентируясь на предполагаемые функции помещений (исходя из наполняющей их мебели и вещей), можно говорить о зонах жизненного пространства.

Сразу заметим, что профессор Гейм, похороненный на протестантском кладбище Москвы, возможно, принял православие. В нескольких комнатах по описи числятся иконы (образ Распятия — в круглой зале и образ Троицы «под фольгой» — там же на столе, образ в спальне, образ Сергия в боковой комнатке).

Спальня, вероятно, была самой «интимной» жилой зоной: упоминаются железная кровать (с «занавеской» — пологом), 2 подушки с «пириной» и кожаный тюфяк (в шкафу лежат 2 простыни и 17 наволочек); в спальне же туалет, где хранились бритвы, туалетные мелочи, а также «малый туалетец» (несессер?). Здесь же стояли шкаф для платья и две шифоньерки (вмещавшие платье и тканевые столовые принадлежности: полотенца — 13, скатерти — 7 больших и одна малая, салфеток 17, постельное белье, столовые приборы). Но в спальне профессор Гейм не только спал: здесь присутствуют ширмы (которые могли отграничивать спальное место), кроме того, кресло вольтеровское (удобное для чтения), а также стол ломберный и 4 стула (предположительно на них размещались четыре игрока в ломбер). Упоминается также и самовар: заметим, что ломберный столик в сложенном виде мог выступать и как «сервировочный», позволяя пить чай за чтением (впрочем, самовар мог просто храниться здесь). В спальне же «в туалете» помимо сафьянного портфеля находились аксессуары для письма и работы с рукописями (футляр для чернильницы, медный циркуль, перочинный ножик, медная печатка), стояли часы под стеклянным колпаком.

Боковая комнатка явно служила кладовой: здесь, правда, стоит бюро красного дерева (а также хранится «репозитория с тетрадами»), стоят чайный ящик красного дерева, китайский чайный ящик с жестяной чайницей, мольберт, но хранятся также железный аршин

и старая одежда (шубы медвежья и кунья, тулуп, бекешь на куньем меху, два суконных старых сюртука, два капота на вате, персидский халат).

Одежда Гейма («платье») хранилась в шкафу в спальне: это набор одежды и аксессуаров для «парадного выхода»: 7 фраков синих, а к ним две шпаги и одна португеза, треугольная шляпа, шелковый кушак и 5 пар лайковых перчаток. Кроме того три китайчатых сюртука, 15 жилетов, 4 фланелевых фуфайки, 7 панталонов «казимировых» и двое панталонов «китайчатых», двое подштанников фланелевых и одни бумажные, саржевые штаны, помочи; 45 рубашек. В шифоньерке хранились 2 манишки, 5 галстуков, 4 воротничка, 35 косынок (шейных платков?). Здесь же 38 пар бумажных нитяных чулок.

В шкафу помещались также аксессуары для работы (сафьянный бумажник, в котором 2 ножичка, ножницы, циркуль и пр.), а еще линейка и кошелек. Особо хранились в ящичке кресты и медали. В спальне в туалете под зеркалом — бритвы, кисточки и бритвенный ремень, стальные пуговицы и два футляра орденские.

Одежда профессора — составляющая его имиджа как государственного служащего — заботила университетское руководство (см. о мундирах университетской публики²²). Одежда профессоров университета, зафиксированная рядом «парадных» (официальных) портретов (А.А. Мерзлякова, Л.А. Цветаева, А.А. Прокоповича-Антонского, М.Я. Мудрова и др.) того же типа, что и на портрете проф. Гейма: строгие темные сюртуки, сорочки со стоячими воротниками и галстуками «под горло» и непременно орденскими знаками, свидетельствующими о статусности. Весьма обширный набор одежды Гейма (зафиксированный описью) включал фраки в большом количестве, и это неслучайно: зная восточные языки, Гейм неоднократно приглашался московским градоначальником для объяснения с чиновниками восточных государей, в продолжение нескольких лет он был членом-испытателем в комитете для чиновников, обязанных службою.

Между тем умение носить выходную одежду было освоено не всеми профессорами: в этом уличали, например, профессора А.Ф. Мерзлякова. А профессор Х.А. Шлёцер, как рассказывал Н.М. Карамзин, однажды приехал на обед к князю Б.В. Голицыну, где было «лучшее общество Москвы», в длинном синем сюртуке вместо фрака и на удивленный вопрос объяснил, что «надел сюртук в знак своего уважения к хозяину; что сюртук он почитает приличнее фрака потому, что и сукна пошло больше, чем на фрак, следовательно

---

²² Кулакова И.П. Университетское пространство... С. 269–279.

но, и стоит дороже; а потом и закрывает всё тело: стало быть, и пристойнее фрака»²³. О И.Ф. Тимковском же замечали: «В самом одеянии его едва приметны были перемены, кроме шелковых, газетных и парчевых камзолов»²⁴.

Перейдем к круглой зале. Это самое большое помещение квартиры, а богатое наполнение говорит много о повседневности быта профессора: очевидно, это и «гостиная», где собирались гости, но также и помещение, связанное с ежедневной рутинной работой. Здесь стояло бюро (где хранились 4 креста²⁵ и 2 медали Гейма, а также подзорная труба и двое часов (золотые — «нортоновы» с цепочкой и двумя золотыми печатками, и серебряные «карпендера»). Здесь же стоял, видимо, главный («большой») письменный стол «со многими ящиками», с иконой св. Троицы и шандальным прибором: при свете этого светильника с экраном, вероятно, в основном и работал профессор.

В столе лежали аксессуары: вечный календарь, дорожный ножик и еще 4 перочинных, двое ножниц, рейсфедер, 2 карандаша серебряных, 2 сафьянных портфеля, медный циркуль, «английский» аршин слоновой кости, дорожное медное перо, оправка очков, ящик с монетами (известно, что их Гейм демонстрировал студентам на лекциях).

Кроме большого стола был еще малый (красного дерева) и три стола «штушные»²⁶. 12 кресел («простых», «под зеленой бомбою»²⁷; той же тканью обтянута и софа, т.е. в наличии однотонный «гарнитур»), 2 стула (кожаных, простых), ширма.

В шкафу (что под распятием) помещались: посуда серебряная; фарфоровый поднос и посуда (фарфор, стекло), а также еще ряд аксессуаров (тетради с золотым обрезом, футляр с инструментами), заемные письма, бумаги, деньги. Но самой важной составляющей обстановки являлись 6 шкафов для книг («за стеклами»), еще один книжный шкаф, а также «репозиторий» с книгами.

Помимо «вседневных» рабочих функций большая зала, кажется, имела еще одно назначение, представляя собой наиболее «публичное» пространство квартиры, оформленное не без роскоши: чугунная печка, софа, зеркало, ковер.

Книжные шкафы содержали книги (вероятно, та библиотека, которая попала в собрание университета), а также журналы — «в кипах», и ландкарты (прилагаемый к описи список карт на немецком

²³ Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 122.

²⁴ Ананьева Т. Указ. соч.

²⁵ Два владимирских и один аннинский крест 2-й степени.

²⁶ По В. Далю, «штушный» стол — чаще всего раскладной, раздвижной.

²⁷ «Бомба» — крепкая шерстяная ткань, род камлота.

языке числом 147 штук ждет своего исследователя). Их дополняли книги из задней комнаты (без окон?).

Собрание печатных изданий профессора Гейма занимало несколько помещений его квартиры. В работе университетского преподавателя XVIII — начала XIX в. личная библиотека становилась необходимым элементом. Гейм, назначенный суббиблиотекарем, а затем и комиссионером университетской библиотеки, по мысли попечителя М.Н. Муравьева отвечал за упорядочение и пополнение ее²⁸. Однако профессор нуждался и в личном собрании. Просвещение внесло в быт интеллектуалов культуру интенсивного чтения (с расширяющимся репертуаром, чтения «про себя») и практики регулярного письма, связанных с уединением и углубленной работой.

На занятиях профессора часто пользовались книгами из собственных собраний, принося их с собой в университет. (Ведь лишь с конца 1806 г. Университетская научная библиотека открылась для публичного посещения — 4 дня в неделю)²⁹. В доме профессора И.М. Шадена, например, была великолепная библиотека, занимавшая три большие комнаты. В ней имелись, в частности, латинские, древнегреческие, французские, немецкие лексиконы, словари (исторические, географические, ботанические, физические); шкафы были пронумерованы³⁰. О колоритном профессоре А.А. Барсове вспоминали так: «страшна была» полная книг «красная сафьянная киста³¹» — ее, «вынув из кареты, пока сам он всходил, опираясь на высокую трость с золотой головкою, вносил перед ним на плечах Кселифонт... укладывая книги на столе»³². Обширным было и собрание книг Г.И. Фишера фон Вальдгейма, которое составляло несколько тысяч томов. (Он, передавший свои книги и коллекции Московскому обществу испытателей природы при Московском университете, вообще считал, что частное лицо не имеет права хранить у себя культурные и естественно-исторические ценности: они должны быть достоянием культурных учреждений и народа). Таким образом, очевидно, что личные собрания книг профессоров обеспечивали учебный процесс и целые подразделения университета.

²⁸ Подробнее см.: *Вулисанова Г.А.* И.А. Гейм — ректор и библиотекарь Московского университета // Герард Фридрих Миллер и русская культура. СПб., 2007.

²⁹ *Сорокин В.В.* История библиотеки Московского университета (1800–1917 гг.). М., 1980. С. 12.

³⁰ *Степанов А.П.* Странички из истории воспитания в России конца прошлого века // Русская школа. 1891. № 1. С. 18–21.

³¹ Киста — сумка, мешок.

³² *Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского Университета за истекающее столетие.* Ч. 1. М., 1855. С. 60.

В библиотеке Гейма содержалось около 2000 томов. Книги сделались атмосферой его жизни, второй его стихией, которой «дышал ученый». Это личное собрание книг стало первым крупным даром Московскому университету³³. Оно первым стало и основой для восстановления фонда библиотеки университета после пожара 1812 г.³⁴

Вопрос питания преподавателей был немаловажен. Еще сенатским указом 1757 г. было предусмотрено заведение при университете «обержи», или «герберга» (харчевни) для питания иностранных профессоров, она же фигурирует в документах как «университетская харчевня». Однако экономнее и удобнее, конечно, было питаться «у себя».

Кухня владения Гейма по описи включает посуду в достаточно большом количестве: «простая посуда» — миска, блюдо, соусник, салатник; посуда фаянсовая — миска, соусник; 13 тарелок глубоких и столько же мелких. Упомянуты, впрочем, и «хрусталь» (судок «с принадлежностями» из пяти «вещей», 2 графина, 6 рюмок, 3 стакана); присутствуют ножи столовые (6) и старые (6), 4 вилки. Есть медная посуда (4 кастрюли поваренные, ендова, чайник, кофейник, «сливошник»), и деревянная посуда — кухонные «аксессуары» (кадка, бочонок, ушат). Есть также медная лейка, кочерга, 3 ухвата, лопатка и топор. Как видим, предусмотрено всё необходимо для приготовления блюд и питания. Кухонная мебель — это стол, шкаф, а также 6 кожаных стульев (возможно для прислуги, обедавшей здесь же). Интересно большое собрание бутылок (пустых, надо понимать): их 166 (как известно, возлияния были распространены в преподавательской среде). Кстати, в круглой зале в шкафу вместе с посудой хранился некий «кабачок», а также графин, стаканы и рюмки (8).

Припомним еще часть аксессуаров, хранившихся в спальне, во второй «шифоньерке»: это серебро (соусница, 16 ложек, еще шесть десертных, шесть чайных, три солонки, лопаточка для соли, двое щипцов и щипчики). Несколько столов и 12 кресел в большой комнате, «зале» (помимо 4-х кожаных стульев спальни) в сопоставлении с количеством салфеток (17), скатертей (7) и предметов посуды (13 тарелок глубоких и 13 мелких), 16 столовых ложек (плюс еще шесть десертных и шесть чайных) — всё это свидетельствует о

---

³³ Сквайрс Е.Р., Баров-Василевич Д.А. Частная библиотека Ивана Андреевича Гейма в фонде Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского университета // Вольтеровские чтения. Сб. научных трудов. Т. 5. СПб., 2019. С. 301–302.

³⁴ Шевырев С.П. Указ. соч.. С. 453.

возможных достаточно многочисленных собраниях за пиршественными столами. Мы могли бы считать это проявлением определенной «публичности» квартиры профессора, приглашавшего в дом коллег (известна характеристика Гейма, данная студентом, учившимся у него на рубеже 1810–1820-х гг.: «Знание, доброта, простота, доступность»³⁵).

Важным фактором влияния европейской культуры на русское общество стали салоны, в том числе и профессорские собрания, которые демонстрировали новый для русского общества тип светского общения³⁶. Так, дом профессора натуральной истории Г.И. Фишера фон Вальдгейма, современника Гейма, описан так: «Все знаменитые представители науки и искусства, жившие в Москве, и особенно приезжие, искали его поучительной беседы, а до болезни супруги профессорский дом и трапеза его часто посещались учеными и артистами, а иногда и наследными вельможами»³⁷. Известны и коммуникативные способности А.А. Прокоповича-Антонского, в 1818 г. сменившего Гейма на посту ректора Московского университета. Эта тенденция шла в русле политики организаторов университета — сначала И.И. Шувалова, а затем, более успешной, попечителя М.Н. Муравьева: привлечения в университет титулованного дворянства³⁸, поддержка ростков новых, более демократичных форм межсловной коммуникации³⁹.

Вернемся, однако к описи: в конюшне (на 1-м этаже) по описи находились карета, дрожки и аксессуары для дорожной езды. Карета — основное средство передвижения в XVIII — начале XIX в. для статусных персон. Это не только некоторая роскошь, но и мерило социального достоинства. В основе такой философии — петровская «Табель о рангах», которая требовала, «чтоб каждый экипаж... имел, как чин и характер его требует». (Ко времени Екатерины II стоимость карет некоторых вельмож равнялись населенным имениям.) Наличие у профессора набора аксессуаров — 2-х уздечек, 4-х хомутов, 2-х вожжей — позволяет предположить, что у Гейма была «двойка»

---

³⁵ Ляликов Ф.Л. Студенческие воспоминания (1818–1822) // Русский архив. 1875. Кн. 3. Вып. 12. С. 383.

³⁶ Куниц Е.В. Реформа...

³⁷ Гейман Р.Г. Воспоминание о покойном основателе Императорского Московского общества испытателей природы Григории Ивановиче Фишере фон Вальдгейме. М., 1856. С. 12.

³⁸ Куниц Е.В. Иностранцы профессора... С. 281.

³⁹ Были и ответные визиты в дома дворян: «...Съехались к нам к обеду Профессора: Гейм, Баузе, Рейнгард, Маттеи...» (Из «Записок» В.И. Лыкошина. — URL: <http://www.griboedov.net/remember/002.shtml> (дата обращения 15.01.2023)

лошадей. Такой собственный «выезд» был показателем определенного повышенного статуса профессора (и ректора). Наличие кареты и дрожek давали ректору мобильность: ему приходилось немало ездить — при Муравьеве (когда появляются учебные округа, которые надо инспектировать) он стал визитатором Тульской и Калужской губерний⁴⁰.

Но, конечно, особый статус профессору придавали ордена (мы упоминали их: Гейм был награжден орденами Св. Владимира 3-й степени и Св. Анны 2-й степени).

Впрочем, известен показательный случай, относящийся к началу XIX в.: когда министр народного просвещения А.Н. Голицын в конце 1810-х гг. спросил ректора И.А. Гейма, «какую награду желает он получить — чин ли действительного статского советника или орден св. Владимира 3-й степени», Гейм пожелал иметь орден, сказав, что «титул превосходительства тяжел для профессора» (впрочем, в итоге он имел и чин статского советника).

Итак, окунувшись в «жизненный мир» профессора, констатируем: И.А. Гейм принадлежал ко второму «призыву» иностранных профессоров в Московский университет (примерно 1780-е гг., третье же поколение — те, кто был приглашен во время реформ М.Н. Муравьева)⁴¹. Он служил науке и государству, эту науку организуя. По мнению Е.И. Кунца, основная масса профессоров-иностранцев, как и их русские коллеги, на протяжении первых трех десятилетий XIX в. придерживалась позиции благонамеренных сторонников просвещенного абсолютизма, не выступая против правительственных установлений (ср. речь проф. Гейма в царствование Павла⁴²). Погруженность в академическую и преподавательскую деятельность, как кажется, и сформировала приватное жилище профессора Гейма, который, однако, отнюдь не замыкался в одиночестве. При относительной скромности в быту, он был вполне обеспеченным человеком. Об этом свидетельствует (помимо обширного перечня имущества) и следующее: в одном из шкафов спальни

---

⁴⁰ Ср. о профессоре И.Ф. Тимковском: «Его карета и зимний возок были так уравнены, с парой вороных, что редко и пятью минутами опаздывали. Дома всегда он был занят в своем кабинете с большою, на две комнаты, отборную библиотекой...; но всякий день, кроме ненастья, употреблял час на походку» (*Ананьева Т. Между «сказанием» и «episodes en swift»: о неизвестной рукописи Ильи Тимковского «Записки для истории Малороссии» (1849 г.)*. — URL: <https://philarchive.org/archive/ANA-21> (дата обращения 15.01.2023)

⁴¹ *Андреев А.Ю.* Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX века. М., 2000.

⁴² *Гейм И.А.* О состоянии наук в России под покровительством Павла I. М., 1799.

хранились заемные письма от 13 ноября 1819 г. в 4 тысячи рублей, занятых дворянином Н.М. Гусятниковым, и от 23 сентября 1821 г. в 1 тыс. рублей, занятых московским купцом И.Ф. Ривентом, а также 420 рублей ассигнациями. У профессора были «свободные» деньги, которые он давал в долг.

Рассмотренная опись жилья Гейма позволяет реконструировать его повседневные занятия и формы досуга, а также судить об образе жизни и уровне достатка профессора (скромное жилище, в котором, однако, есть все необходимое для жизни и активной деятельности). Данный документ представляет интерес не только с точки зрения изучения принципов формирования университетских архивов, но и с позиций изучения академической повседневности. Российский «традиционный дом», будь то дворянская усадьба или двор горожанина, конечно же был иным⁴³.

Перед нами же — особый тип дома, профессорская квартира, появившаяся в русле формирования слоя «среднего рода людей», в том числе ее значимой части — интеллектуальной элиты.

Идея замыкания в свое приватное пространство (от шума и традиционной Москвы, и от суеты «света») — уединение как ценность — захватывает прежде всего людей творческих, ученых и литераторов, и именно в это время оформляется идея рабочего кабинета как символического пространства творчества. Эта потребность с развитием интеллектуальной среды, со становлением «литературоцентричного» российского общества станет нормой жизни «просвещенного» человека.

В стилевом же отношении в России интерьеры 1820-х гг. обнаруживают смешение позднего ампира и бидермейера, хотя в Европе именно тенденции последнего уже возобладали, его черты получили распространение в самых разных слоях общества. (Само понятие бидермейера не имеет четкого определения, в узком значении — это жизненная среда немецкого филистера, буржуа, обыденное же сознание ассоциирует его с мелкобюргерскими, «мещанскими» проявлениями. Так или иначе эта стилистика отражала стремление к бытовому удобству, уюту «частного человека», жизнь которого протекает отчасти и в публичном режиме. Кажется, квартира профессора Гейма соответствовала этому идеалу, — она демонстрировала определенный статус, уровень материальной обеспеченности (чтобы обстоятельства не вынуждали отвлекаться на посторонние заботы)

---

⁴³ Ср.: Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2007.

и наличие условий, необходимых для успешной деятельности⁴⁴. Но помимо прочего благодаря подробной описи перед нами предстает «жизненный мир», явленный в вещной культуре и отражающий спектр практик и бытовых привычек человека «профессорского сословия» образца начала XIX в., — от собирания коллекций старинных монет и редких карт до хранения сломанных оправ очков и «крючочков», от бритья до пользования мольбертом и зрительной трубой, от чаевничания и игры в ломбер до выездов «в свет» в крестах и медалях. Здесь нет признаков только одной наклонности — праздности.

References

Andreev A. Yu. *“Gettingenskaya dusha” Moskovskogo universiteta. (Iz istorii nauchnykh vzaimosvyazey Moskvy i Gettingena v nachale XIX stoletiya)* [The “Göttingen Soul” of the Moscow University. (From the History of Scientific Relations between Moscow and Göttingen in the Early 19th Century)] // *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*. 2000. N 2. P. 73–101.

Andreev A. Yu. *Moskovskiy universitet v obshchestvennoy i kul'turnoy zhizni Rossii nachala XIX veka* [The Moscow University in the Social and Cultural Life of Russia in the Early 19th Century]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 2000. 310 p.

Baloshina N. Yu. *Protestantskaya i katolicheskaya traditsii v rossiyskom vospriyatii* [Protestant and Catholic Traditions in Russian Perception] // *Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya*. 2000. N 1. P. 107–119.

Belyavskiy M.T., Sorokin V.V. *“Nash pervyy, nash Moskovskiy, nash rossiyskiy...” Pamyatnyye mesta starogo zdaniya Moskovskogo universiteta* [“Our First, Our Moscow, Our Russian...” Memorable Places of the Old Building of the Moscow University]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1970. 160 p.

Biograficheskiy slovar' professorov i prepodavateley Imperatorskogo Moskovskogo universiteta za istekayushcheye stoletie [Biographical Dictionary of Professors and Lecturers of the Imperial Moscow University for the Past Century]. Part I. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1855. 524 p.

Brodel F. *Izlishneye i obychnoye: zhilishche, odezhda i moda* [Le superflu et l'ordinaire: l'habitat, le vêtement et la mode] // Brodel F. *Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle]. In 3 vols. Vol. 1. *Struktury povsednevnosti* [Les structures du quotidien]. Moscow: Progress, 1986. P. 242–305.

Elias N. *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskiye i psikhogeneticheskiye issledovaniya* [The Civilizing Process. Sociogenetic and Psychogenetic Studies]. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 2001. Vol. 1. 332 p.; Vol. 2. 382 p.

---

⁴⁴ Ср.: «...Необходимо спокойное жилище, где бы я не должен был обращать внимание на грозящие мне удары», и мог «закончить в тишине свои труды» (*Мельников Г.П.* Автопортрет ученого XVII века. Я.А. Коменский в зеркале своих сочинений // *Человек — культура — общество в концепции Яна Амоса Коменского*. М., 1997. С. 126–127).

Faynshteyn M. Sh. *I.A. Heim — uchenyy, izdatel' i pedagog* [I.A. Heim, Scientist, Publisher and Teacher] // *Kniga v Rossii XVII — nachala XIX v.: problemy sozdaniya i rasprostraneniya* [Book in Russia from the 17th through the Early 19th Century: Problems of Creation and Distribution]. Leningrad: BAN SSSR, 1989. 176 c.

Feofanov A.M. *Professura Moskovskogo universiteta vtoroy poloviny XVIII — pervoy chetverti XIX v.* [Professors of the Moscow University in the Second Half of the 18th and the First Quarter of the 19th Centuries] // *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Series II. *Istoriya. Istoriya Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi*. 2013. N 1 (50). P. 7–28.

Kamenskiy A.B. *Povsednevnost' russkikh gorodskikh obyvateley. Istoricheskiye anekdoty iz provintsial'noy zhizni XVIII veka* [Everyday Life of Russian Urban Residents. Historical Anecdotes from the Provincial Life in the 18th Century]. Moscow: RGGU, 2006. 408 p.

Kostina T.V. *Kachestvo zhizni universitetskogo professora pervoy poloviny XIX v. (po materialam Kazanskogo universiteta)* [Quality of University Professor's Life in the First Half of the 19th Century (According to the Materials of Kazan' University)] // *Sankt-Peterburgskiy universitet v XVIII–XX vv. Yevropeyskiye traditsii i rossiyskiy kontekst. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, 23–25 iyunya 2009 g.* [Saint Petersburg University from the 18th through 20th Centuries. European Traditions and Russian Context. The Acta of the International Scientific Conference, 23–25 June 2009]. Saint Petersburg: Istoricheskiy fakul'tet SPGU, 2009. P. 57–73.

Kulakova I.P. *G.F. Müller — agent yevropeyskogo kul'turnogo vliyaniya v Rossii* [G.F. Müller as an Agent of European Cultural Influence in Russia] // *G.F. Müller i russkaya kul'tura = G.F. Müller und die russische Kultur: sbornik statey* [Eine Aufsatzsammlung]. Sankt Petersburg: Rostok, 2007. P. 340–357.

Kulakova I.P. *Universitetskoye prostranstvo: Moskovskiy universitet v istoriko-kul'turnoy srede XVIII veka* [University Space: The Moscow University in the 18th-Century Historical and Cultural Environment]. Moscow: Novyy khronograf, 2006. 335 p.

Kunts E.V. *Inostrannyye professora v shtate Moskovskogo universiteta v pervoy treti XIX veka: diss. ... kanidata istoricheskikh nauk* [Foreign Professors in the Staff of the Moscow University in the First Third of the 19th Century: PhD Candidate Diss. in History]. Moscow: MPGU, 2002. 304 p.

Kunts E.V. *Reforma M.N. Muravyeva v Moskovskom universitete v kontekste kul'turnoy zhizni Yevropy i Rossii nachala XIX veka* [M.N. Muravyev's Reform at the Moscow University in the Context of European and Russian Culture in the Early 19th Century] // *Prepodavatel' XXI vek*. 2011. N 4. Part 1. P. 275–283.

Lyubavskiy M.K. *Moskovskiy universitet v 1812 godu* [The Moscow University in 1812]. Moscow: Imperatorskoye Obshchestvo istorii i drevnostey rossiysskikh pri Moskovskom universitete, 1913. 68 p.

Mel'nikov G.P. *Avtoportret uchenogo XVII veka. Ya.A. Komenskiy v zerkale svoikh sochineniy* [Self-Portrait of a 17th-Century Scholar. J.A. Comenius in the Mirror of His Works] // *Chelovek — kul'tura — obshchestvo v kontseptsii Yana Amosa Komenskogo. Materialy Mezhdunarodnogo simpoziuma k 400-letiyu so dnya rozhdeniya Ya.A. Komenskogo (Moskva, 1990 g.)* [Man — Culture — Society in the Concept of Jan Amos Comenius. The Acta of the International Symposium to Mark the 400th Anniversary of Comenius' Birth (Moscow, 1990)]. Moscow: Reka vremen, 1997. P. 126–127.

Parsons T. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Moscow: Aspekt Press, 1998. 270 p.

Petrov F.A. *Nemetskiye professora v Moskovskom universitete* [German Professors at the Moscow University]. Moscow: GIM, 1996. 180 p.

Rakhmatullin R. *Dom Venevitinova otstoyali* [Venevitinov's House Was Defended] // *Nezavisimaya gazeta*. 12 February 2000.

Shevyrev S.P. *Istoriya Moskovskogo universiteta, napisannaya k stoletnemu yego yubileyu. 1755–1855* [A History of the Moscow University, Written for Its Centenary. 1755–1855]. Moscow: Tipografiya Moskovskogo universiteta, 1855. 590 p.

Skvayrs E.R., Barov-Vasilevich D.A. *Chastnaya biblioteka Ivana Andreyevicha Heima v fonde Otdela redkikh knig i rukopisey Nauchnoy biblioteki Moskovskogo universiteta* [Ivan Andreyevich Heim's Private Library in the Collection of the Rare Books and Manuscripts Department of the Scientific Library of the Moscow University] // *Vol'terovskiy chteniya. Sbornik nauchnykh trudov* [Voltaire Workshop. Collection of Scientific Works]. Vol. 5. Saint Petersburg: Rossiyskaya natsional'naya biblioteka, 2019. P. 301–321.

Solov'yev A.I. *Geografiya v Moskovskom universitete v dorevolyutsionnoye vremya* [Geography at Moscow University in Pre-Revolutionary Time] // *Geografiya v Moskovskom universitete za 200 let* [Geography at the Moscow University during 200 Years]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1955. P. 14–35.

Sorokin V.V. *Istoriya biblioteki Moskovskogo universiteta (1800–1917 gg.)* [A History of the Library of the Moscow University (1800–1917)]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1980. 254 p.

Stepanov A.P. *Stranichki iz istorii vospitaniya v Rossii kontsa proshlogo veka* [Pages of the History of Upbringing in Russia at the End of the Last Century] // *Russkaya shkola*. 1891. N 1. P. 18–21.

Universitet dlya Rossii [University for Russia]. Vol. 2. *Moskovskiy universitet v aleksandrovskuyu epokhu* [The Moscow University in the Alexandr's Era]. Moscow: Russkoye slovo, 2001. 368 p.

Vulisanova G.A. *I.A. Heim — rektor i bibliotekar' Moskovskogo universiteta* [I.A. Heim als Rektor und Bibliothekar der Moskauer Universität] // *G.F. Müller i russkaya kul'tura* = G.F. Müller und die russische Kultur: *sbornik statey* [Eine Aufsatzsammlung]. Sankt Petersburg: Rostok, 2007. P. 470–482.

Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow: Progress, 1990. 808 p.

Zhivov V.M. *Pervyye russkiye literaturnyye biografii kak sotsial'noye yavleniye: Trediakovskiy, Lomonosov, Sumarokov* [First Russian Literary Biographies as a Social Phenomenon: Trediakovsky, Lomonosov, Sumarokov] // *Novoye literaturnoye obozreniye*. 2000. N 25. P. 24–83.

Поступила в редакцию
23 января 2023 г.